

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.14

Дата поступления 20.11.2022
рецензирования: 23.12.2022
принятия: 28.02.2023

Средства доказывания в уголовном судопроизводстве

С. Б. Россинский

Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Российская Федерация
E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена уяснению сущности и рассмотрению системы средств уголовно-процессуального доказывания, то есть полезных активов, подлежащих использованию для установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, обоснования позиций сторон и правоприменительных решений. В этой связи аргументируется приоритет узкого доктринального подхода к пониманию средств доказывания, а также раскрываются присущие ему шероховатости. Отмечается первостепенное значение доказательств как важнейших средств уголовно-процессуального доказывания, основанных на восприятии материальных и идеальных следов-отображений объективной реальности. Наряду с этим раскрывается роль формальных средств доказывания: презумпций, преюдициальных, общеизвестных, notorious и других фактов. Особое внимание уделяется так называемым субъективным средствам доказывания: общеизвестным и юридическим познаниям, правосознанию, правопониманию, правовой культуре, чувству профессиональной ответственности, нравственности, совести, профессиональному и жизненному опыту. И, наконец, высказывается предположение о существовании еще одной группы полезных ресурсов – так называемых справочно-вспомогательных средств доказывания.

Ключевые слова: доказательства; доказывание; обоснованность уголовно-процессуальных решений; справочно-вспомогательные средства доказывания; средства доказывания; субъективные средства доказывания; формальные средства доказывания.

Цитирование. Россинский С.Б. Средства доказывания в уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № 1. С. 37–45. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-1-37-45>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Россинский С. Б., 2023

Сергей Борисович Россинский – доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии, Институт государства и права Российской академии наук, 119019, Российская Федерация, г. Москва, ул. Знаменка, 10

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 20.11.2022

Revised: 23.12.2022

Accepted: 28.02.2023

Means of proving in criminal proceedings

S. B. Rossinskiy

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Abstract: The article is devoted to understanding the essence and consideration of the system of means of criminal procedural proof, that is, useful assets to be used to establish circumstances relevant to a criminal case, substantiate the positions of the parties and law enforcement decisions. In this regard, the priority of the narrow doctrinal approach to understanding the means of proof is argued, and its inherent roughness is revealed. The paramount importance of evidence is noted as the most important means of criminal procedural proof, based on the perception of material and ideal traces-images of objective reality. Along with this, the role of formal means of proof is revealed: presumptions, prejudicial, well-known, notorious and other facts. Particular attention is paid to the so-called subjective means of proof: well-known and legal knowledge, legal awareness, legal understanding, legal culture, sense of professional responsibility, morality, conscience, professional and life experience. And, finally, it is suggested that there is another group of useful resources – the so-called reference and auxiliary means of proof.

Key words: evidence; proof; validity of criminal procedural decisions; reference and auxiliary means of proof; means of proof; subjective means of proof; formal means of proof.

Citation. Rossinskiy S. B. *Sredstva dokazyvaniya v уголовном судопроизводстве* [Means of proving in criminal proceedings]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2023, vol. 9, no. 1, pp. 37–45. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-1-37-45> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Rossinskiy S. B., 2023

Sergey B. Rossinskiy – Doctor of Laws, associate professor, chief researcher of the sector of criminal law, criminal procedure and criminology, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 10, Znamenka Street, Moscow, 119019, Russian Federation.

Среди всего множества доктринальных, законодательных и практических проблем, традиционно присущих уголовно-процессуальному доказыванию, особое место принадлежит вопросам, связанным с сущностью, свойствами, системой, порядком собирания, проверки и оценки так называемых средств доказывания, обеспечивающих накопление полезных для уголовного дела сведений, а затем превращающихся в соответствующие аргументационные ресурсы (логические аргументы, доводы, силлогистические посылки), подлежащие использованию для обоснования свойственных уголовной юстиции применительных решений, в первую очередь приговоров, а также устных или письменных позиций сторон. Ввиду сложности и прямой зависимости от общих противоречий теории доказывания многие из данных вопросов еще далеки от разрешения, характеризуются «белыми пятнами» и не предполагают единообразия в понимании целого ряда правовых феноменов, в том числе, казалось бы, очевидных, используемых в каждом учебнике по уголовному процессу и материалах любого уголовного дела процессуальных категорий.

В частности, на сегодняшний день в доктрине даже не существует четко выработанной и разделяемой подавляющим большинством ученых точки зрения о том, что именно надлежит подразумевать под средствами уголовно-процессуального доказывания. Авторы сходятся только в самом поверхностном, буквальном понимании этого феномена — как неких средствах, используемых для нужд доказывания. В остальном их воззрения, предполагают множество вариативных позиций, отличающихся друг от друга различными оттенками.

Вместе с тем содержащиеся в научных публикациях позиции все-таки поддаются некоторой систематизации. По крайней мере, их можно условно разделить на два укрупненных подхода: широкий и узкий.

Приверженцы широкого подхода обычно относили и продолжают относить к средствам доказывания: а) некие имеющие отношение предмету доказывания информационные активы (главным образом, сами доказательства и (или) их источники); б) процессуальные приемы, связанные с накоплением (собираем), исследованием и проверкой указанных активов, то есть следственные и судебные действия, судебные экспертизы и пр. [1, с. 91; 2, с. 202; 3, с. 145; 4, с. 13]. Такой подход представляется не вполне удачным. Он размывает содержание средств доказывания, фактически отождествляя их совокупность со всей системой уголовно-процессуального регулирования, за исключением отдельных действий, не связанных с доказыванием, а имеющих иное предназначение.

Кроме того, нельзя забывать, что современные доктринальные представления о доказывании вообще не ограничиваются пониманием этого процесса как особой разновидности познания окружающей реальности. В подавляющем большинстве

публикаций доказывание рассматривается как многогранная и многоаспектная система, предполагающая как накопление, так и умственную обработку полезных сведений, то есть включающая познавательные-удостоверительные приемы и аргументационно-логические операции, позволяющие устанавливать необходимый круг имеющих значение для уголовного дела обстоятельств и на их основе выносить законные, обоснованные и разумные (справедливые) правоприменительные решения [5, с. 84]. Однако сторонники широкого подхода, относя к подобным средствам различные процессуальные и другие приемы, обеспечивающие накопление (собираем), исследование и проверку информационных активов, почему-то игнорируют существование второго, аргументационно-логического компонента доказывания, предполагающего умственную обработку полученных сведений, а также доведение позиций сторон до субъектов правоприменения. Исходя из подобного подхода, к средствам доказывания наряду со следственным и судебными действиями, судебными экспертизами и т.д. надлежало бы отнести прения сторон, обжалование, направление возражений, оценку доказательств, обдумывание дознавателем, следователем, судьей подлежащих вынесению правоприменительных актов, в том числе совещание суда перед постановлением приговора и т.д. — все эти действия также способствуют достижению целей доказывания. Тем более, что некоторые ратовавшие за широкий подход авторы, фактически вступая в диссонанс с самими собой, одновременно писали об этапе обоснования решений как об одном из обязательных и необходимых компонентов доказывания [1, с. 8; 2, с. 208].

Конечно, было бы не совсем корректным упрекать советских классиков в подобных промахах и противоречиях. В конце концов, они во многом исходили из модной в те годы кибернетической (информационной) теории, предполагающей ряд выявленных гораздо позднее недостатков — полное игнорирование аргументационно-логического компонента доказывания, отрицание роли доказательственных фактов и сведение всей деятельности по установлению имеющих значение для уголовного дела обстоятельств к информационному процессу [6, с. 62].

К тому же, если внимательно ознакомиться с содержанием соответствующих работ, становится понятно, что указанные авторы упоминали о средствах доказывания как бы вскользь, сильно не углубляясь в рассмотрение и осмысление подлинной сущности этого процессуального феномена.

Гораздо большее недоумение вызывают некоторые современные публикации, авторы которых, по всей вероятности, не желая глубоко погружаться в поднимаемые научные проблемы, принимая за основу широкий подход к пониманию средств доказывания, тоже забывают как о мыслительных операциях, направленных на обоснование правоприменительных решений, так и о формах процессуального поведения, позволяющих участникам

уголовного судопроизводства доводить свои позиции до адресата, в первую очередь суда. Ввиду усиления состязательных начал уголовного судопроизводства, предполагающих более активную роль сторон в установлении имеющих значение для уголовного дела обстоятельств, подобная «забывчивость» выглядит достаточно странной. Хотя существуют и приятные исключения. Например, один из сторонников широкого подхода – И.А. Грудинин – включает в систему средств доказывания индивидуальную мыслительную деятельность, расценивая ее как некий двигатель общего механизма установления имеющих значение для уголовного дела обстоятельств [4, с. 15].

Тогда как самой неудачной на этом фоне представляется позиция В.Ю. Стельмаха, относящего к средствам доказывания только сами действия, предполагающие собирание доказательственных сведений: процессуальные и проверочные действия, оперативно-розыскные мероприятия, формы представления предметов и документов невластными субъектами уголовного судопроизводства, а также познавательно-удостоверительные приемы, отнесенные к иным направлениям правоприменительной практики [7, 18–19]. Иными словами, автор применяет указанный подход в несколько усеченном варианте, исключает из системы средств доказывания даже сами доказательства, чем полностью обесценивает значение, в первую очередь аргументационно-логический потенциал, накапливаемых активов, то есть, по сути, отождествляет доказывание не более чем с техническим собиранием исходного материала.

Поэтому большую доктринальную распространенность все же приобрел иной, узкий подход к пониманию средств доказывания. Его сторонники считали и продолжают считать таковыми лишь сами информационные активы, подлежащие использованию для установления имеющих значение для уголовного дела обстоятельств и обоснования приговоров или иных правоприменительных актов. Причем в качестве основных, важнейших средств доказывания назывались и продолжают называться именно доказательства, то есть предусмотренные процессуальным законом относимые, допустимые и достоверные сведения (в более ранних публикациях – фактические данные), либо, как вариант, источники таких сведений (фактических данных).

Так, М. С. Строгович и В. М. Галкин писали о средствах доказывания как об аксессуарном, резервном наименовании доказательств, то есть как о носителях полезных сведений, способствующих установлению обстоятельств, имеющих значения для уголовного дела [8, с. 290; 9, с. 6]. В. Я. Дорохов, будучи одним из авторов известной коллективной монографии по теории доказательств, тоже обращал внимание на идентичность, тождественность категорий «доказательства» и «средства доказывания» [10, с. 212–213]. Близкие позиции содержатся и в ряде других публикаций [11, с. 25; 12, с. 154–155 и др.].

Подобный подход представляется более правильным и перспективным. Он предполагает автономность средств доказывания, выделяет их из всего массива других объектов уголовно-процессуального регулирования, придает им большую определенность, более четкий смысл. Кстати, как справедливо пишет Н. С. Расулова, приемлемость использования такого подхода косвенно подтверждается законодателем, но не в УПК РФ, а в положениях другого источника процессуального права – Гражданского процессуального кодекса РФ, регламентирующего схожий с уголовным процессом порядок установления юридических фактов [13, с. 23]. В статье 60 ГПК РФ отмечается, что «обстоятельства дела, которые в соответствии с законом должны быть подтверждены определенными средствами доказывания, не могут подтверждаться никакими другими доказательствами».

Вместе с тем указанный подход тоже не лишен отдельных недостатков. В частности, как уже было отмечено выше, в подавляющем количестве монографий, статей, диссертаций под средствами доказывания в подобном узком истолковании понимаются лишь сами доказательства. Другими словами, совокупность этих средств ограничивается лишь информационными активами, прямо предусмотренными ч. 2 ст. 74 УПК РФ (в более ранних публикациях – соответствующими положениями прежних Кодексов).

Согласиться с указанной точкой зрения достаточно сложно. Доказательства – действительно основные, в определенном смысле важнейшие, вне всяких сомнений, наиболее известные и «раскрученные» средства уголовно-процессуального доказывания. По всей вероятности, именно поэтому они и являются объектом столь пристального внимания ученых, а связанные с ними доктринальные, нормативно-правовые и практические проблемы – предметом многочисленных научных исследований и хорошей почвой для множества споров и дискуссий.

Однако, подобная популярность доказательств вовсе не подразумевает их исключительности, их единственности для использования в качестве средств доказывания. Ведь, по своей сути, уголовно-процессуальные доказательства являются не более чем «следовыми» средствами доказывания. Они представляют собой информационные продукты, предопределенные «следами преступления», то есть возникающими ввиду способности материи к отражению следами-отображениями (следами в широком смысле) – материальными или идеальными объектами ретроспективного познания, появляющимися и изменяющимися под воздействием различных фрагментов объективной реальности: как юридических фактов, непосредственно входящих в предмет доказывания, так и связанных с ними предшествующих, сопутствующих либо последующих обстоятельств.

Тогда как современное уголовно-процессуальное законодательство позволяет, а иногда и прямо предписывает использовать для обоснования

правоприменительных решений принципиально другие, как бы «неследовые» средства, обязанные своим возникновением не способности материи к отражению, а другим причинам. В частности, предусматривается возможность прибегать к помощи так называемых формальных средств доказывания – неких полезных ресурсов, не возникающих в ходе восприятия и фиксации «следов преступления», а «принимаемых на веру», то есть приобретающих способность к использованию в уголовном процессе на основании общепризнанности, неоспоримости и (или) прямого указания в законе. Существование таких ресурсов обуславливается свойственными современному обществу социально-правовыми, в том числе «судебными», ценностями, а также хорошо апробированными и неоднократно подтверждёнными результатами многолетних наблюдений и исследований окружающей реальности. На сегодняшний день в силу ряда причин наибольшую известность среди формальных средств доказывания получили презумпции и преюдиции.

Так, презумпция (от лат. *praesumptio* – предположение) – это формальное признание какого-либо возможного (иногда вероятного) факта вплоть до его опровержения (доказанности обратного) в установленном порядке. Потребность в использовании презумпций, в первую очередь, предопределяется необходимостью юридического преодоления неуверенности в доказанности некоторых имеющих значение для уголовного дела обстоятельств – вполне обоснованных сомнений, детерминированных весьма скромными, к тому же сильно ограниченными требованиями процессуальной формы познавательными способностями дознавателя, следователя, суда, то есть возникающих ввиду практической невозможности установления абсолютно всех подробностей, всех мельчайших деталей произошедшего. Подобные формальные средства восполняют неизбежные пробелы в предмете доказывания, выступают в роли паллиативных аргументационных ресурсов, неких информационных суррогатов при отсутствии достаточной совокупности соответствующих доказательств, в том числе, когда определённые сведения вообще не подлежат установлению в силу закона либо признаются непригодными к использованию. Кроме того, использование презумпций способствует обеспечению эффективности уголовного судопроизводства, процессуальной экономии и т. д.

Ввиду современных подходов к уголовному судопроизводству в целом и доказательственному праву в частности особое внимание уделяется прямо предусмотренной ст. 14 УПК РФ презумпции невиновности. Однако из смысла закона фактически вытекают и другие, так называемые неписанные презумпции, использование которых предопределяется многолетними традициями предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел, а также устоявшейся правоприменительной практикой, том числе пре-

зюмция добросовестности поведения органов государственной власти и должностных лиц, презюмция психической вменяемости (психического здоровья) и т. д. А отдельные авторы относят к презумпциям обстоятельства, подразумевающие весьма высокую степень вероятности (практически достоверность) и поэтому подлежащие включению в общий массив аргументационных ресурсов без необходимости подтверждения другими средствами доказывания, как бы принятию «на веру», – так называемые общеизвестные факты (факты здравого смысла) [14, с. 43–46].

Под преюдицией (от лат. *praejudicialis* – имеющий отношение к предыдущему судебному акту) – понимается еще одно формальное средство уголовно-процессуального доказывания, предполагающее освобождение от бремени повторного установления обстоятельств, ранее уже установленных по какому-либо иному судебному делу и отраженных в вынесенном посредством уголовного, административного, гражданского либо арбитражного судопроизводства и вступившем в законную силу судебном акте (ст. 90 УПК РФ). При правильном использовании, исключаящем стремление правоприменителя к уклонению от надлежащего исполнения обязанностей, этот ресурс также представляется весьма эффективным – он способствует процессуальной экономии, сокращению сроков уголовного судопроизводства, продуктивности дознавательской, следственной, прокурорской и судебной практики, усилению правовой определенности, достижению иных общественно полезных целей [15, с. 479–480].

В ряде публикаций перечень формальных средств уголовно-процессуального доказывания вполне справедливо дополняется другими аргументационными ресурсами. Так, в работах А. В. Смирнова помимо презумпций и преюдиций в качестве таковых рассматриваются: а) ноторные факты (от лат. *nota* – буква) – сведения, вытекающие из общедоступных источников: справочников, календаря, и т. п.; б) юридические фикции – факты, схожие по правовой природе с презумпциями, но отличающиеся от них принципиальной невозможностью опровержения; в) доказательственные субституции – особые правовые конструкции, предполагающие замену одного юридического факта другим [14, с. 210, 220, 226].

Итак, попадая в распоряжение дознавателя, следователя, прокурора, суда, невластных участников уголовного судопроизводства «следовые» (доказательства) и «неследовые» (формальные) средства уголовно-процессуального доказывания в своей совокупности подлежат умственной обработке, становятся объектами мыслительных операций либо используются сторонами для устного или письменного обоснования сторонами своих позиций, то есть превращаются в соответствующие аргументационные ресурсы – в классические логические аргументы, доводы, силлогистические посылки. На данное обстоятельство уже неоднократно обращалось внимание в научных публика-

циях, посвященных содержанию и логическим основам процесса доказывания. В частности, оценка доказательств рассматривалась как совокупность логических операций, предполагающих осмысление простейших понятий, формирование суждений и построение на их основе умозаключений [6, с. 126; 16, с. 123; 17, с. 50]. Однако к аргументационным ресурсам, подпитывающим логику доказывания, ученые, как правило, относили и продолжают относить лишь сами доказательства, то есть показания, экспертные заключения, документы и др. Например, таких взглядов придерживался один из самых известных специалистов в этой сфере – А. А. Эйсмэн [18, с. 12]; схожие мнения высказывались и другими авторами.

В целом данные позиции не вызывают никаких возражений. Однако, они представляются далеко не универсальными, не охватывающими всех нюансов, проводимых субъектами доказывания умственных операций, не отражающими всего множества доводов, аргументов, силлогистических посылок, используемых при обосновании правоприменительных решений или позиций сторон. По сути, они в очередной раз касаются лишь одной, хотя и наиболее известной группы аргументационных ресурсов – самих доказательств. По крайней мере, эти позиции не учитывают рассмотренных выше формальных средств доказывания: презумпций, преюдиций, ноторных фактов и т. д. Хотя, справедливости ради, подобное упущение с учетом времени выхода в свет большинства соответствующих публикаций, в том числе работ А. А. Эйсмана, не представляется таким уж серьезным – в конце концов, в указанный период законодателя и научную доктрину вообще не сильно заботили формальные средства доказывания, в частности ныне легализованные презумпция невиновности и преюдиция даже не входили в сферу уголовно-процессуального регулирования.

Гораздо хуже другое – то, что в подавляющем большинстве работ практически не уделяется внимания принципиально иным, как бы субъективным «внутренним», ресурсам, также играющим весьма важную, если даже не ключевую роль при построении умозаключений, формулировании соответствующих позиций и, как следствие, обосновании правоприменительных решений. Ведь и сами доказательства, и подавляющее большинство формальных средств доказывания характеризуются «внешним» источником происхождения, то есть поступают к соответствующему субъекту извне, посредством умелого использования способностей познания объективной реальности, обеспечивающего возможность накопления соответствующих сведений. Например, как уже отмечалось выше, доказательства обязаны своим возникновением непосредственному или опосредованному (производному) процессуальному взаимодействию дознавателя, следователя, суда с материальными либо идеальными «следами преступления». Работа с формальными средствами доказывания, как правило, тоже (хотя и не всегда!)

сопряжена с изучением каких-либо внешних источников, – преюдициальных судебных актов, календарей, справочников и т. д.

Вместе с тем для надлежащего проведения умственных операций, построения умозаключений, формулирования соответствующих позиций, обоснования приговоров и прочих правоприменительных актов одних только «внешних» аргументационных ресурсов явно недостаточно. Помимо них необходимы и принципиально другие доводы, аргументы, силлогистические посылки – ресурсы предполагающие субъективный источник происхождения, предопределённые взаимодействием субъекта доказывания с собственным «Я», его обращением, к «внутреннему голосу», то есть к своим знаниям, право- и жизнепониманию, опыту, другим позитивным свойствами личности, позволяющим правильно обработать накопленные сведения, оценить относимость, допустимость и достоверность каждого из них в отдельности, а также их совокупную достаточность, на основании которой сформулировать определённую правовую позицию и (или) принять определенное процессуальное решение.

Формирование судейского убеждения, писал известный ученый-процессуалист Ю. М. Грошевой, – это не просто результат влияния совокупности доказательств на сознание судьи. Не соглашаясь со своими коллегами, он совершенно справедливо отрицал возможность примитивного понимания такого убеждения – как простого впечатления от исследованных доказательств. Одновременно автор обращал внимание на зависимость принимаемых решений от уровня правосознания судей, их ценностных ориентиров, психологических особенностей личности и других внутренних факторов [19, с. 24–25]. Схожую позицию ранее занимали дореволюционные процессуалисты В. Д. Спасович и И. Я. Фойницкий. Первый говорил о двух основных источниках судейского познания: опыте и разуме [20, с. 6], а второй – об обусловленности доводов и аргументов (в терминологии тех лет – больших посылок) наличным запасом опыта и приобретенными знаниями [21, с. 194].

Вообще подобные субъективные ресурсы в той или иной степени присущи каждому разумному человеку (*homo sapiens*), хотя их качество и содержание сугубо индивидуальны, поскольку зависят от целого ряда факторов, сопутствующих формированию и развитию личности. Именно такие ресурсы создают условия и ориентиры для рационального мышления как одной из высших психических функций, отличающих людей от иных представителей земной фауны, в частности от человекообразных приматов, кстати, тоже вполне способных к «техническому» восприятию внешних источников информации. Будучи накопленными посредством процессуальных действий либо иных способов познания объективной реальности, «следовые» (доказательства) и формальные средства доказывания соотносятся в сознании субъекта доказывания с «внутренними» аргументацион-

ными ресурсами, вступают с ними в своеобразную мыслительную реакцию, в логическое взаимодействие, в результате чего выстраиваются умозаключения и формулируются позиции, составляющие основу процессуальных решений либо подлежащие доведению сторонами до правоприменителей в целях оказания влияния на принятие таких решений.

Весьма примечательно, что на использовании в доказывании подобных субъективных ресурсов настаивает и законодатель, прямо предписывая судьям, присяжным заседателям, прокурорам, следователям и дознавателям формировать свое внутреннее убеждение на основе совокупности всех имеющихся в уголовном деле доказательств и руководствоваться при этом именно законом и совестью (ст. 17 УПК РФ). По всей вероятности, под знанием закона (читай – надлежащим уровнем юридической грамотности) и совестью в данном случае как раз и понимаются субъективные средства, подлежащие использованию в ходе обоснования правоприменительных решений.

Хотя справедливости ради все же следует обратить внимание на некоторую неразумность и ограниченность такого нормативного предписания, не учитывающего всех полезных качеств и свойств и личности, влияющих на внутреннее убеждение правоприменителя как на основной инструмент оценки средств доказывания. В частности, нельзя поддерживать законодателя в стремлении сделать упор именно на совесть дознавателя, следователя, прокурора, судьи, то есть на чувство их нравственной ответственности за своё поведение. Скорее стоит согласиться с Ю. К. Орловым, утверждавшим о неприемлемости полного исключения из числа инструментов оценки доказательств ранее предусмотренного законом правосознания (ст. 71 УПК РСФСР 1960 г.). Предлагая компромиссный вариант решения возникшей проблемы, предполагающий нормативное закрепление обоих субъективных ресурсов – и совести, и правосознания, – автор совершенно справедливо писал об оценке доказательств как о весьма далекой от нравственности логической деятельности, прежде всего, опирающейся на надлежащее понимание закона [6, с. 124–125]. В этой связи представляется, что если совесть и оказывает решающее влияние на содержание правоприменительных решений, то лишь в части работы присяжных заседателей – судей факта, непрофессиональных субъектов доказывания, во многом прислушивающихся именно к своему опыту, жизнепониманию и нравственным установкам. Тогда как судьям, прокурорам, следователям, дознавателям помимо совести надлежит обращаться и к другим внутренним ресурсам, в первую очередь, предопределенным наличием высшего юридического образования.

Ю.М. Грошевой в свое время писал о четырех подобных инструментах, действующих служителям уголовной юстиции в формировании субъективных убеждений и принятии законных, обоснованных и справедливых процессуальных решений.

К таковым автор относил: а) идейно-политические и нравственные ориентиры судьи; б) его интеллектуальные и морально-волевые качества; в) степень его профессионального правосознания; г) степень его профессионального мастерства [19, с. 25–26]. Ввиду вполне понятных причин, обусловленных современными социально-политическими стандартами российской государственности, такую позицию вряд ли можно признать совершенно верной, не подлежащей адаптации к нынешним реалиям развития уголовной юстиции. Вместе с тем сама идея, увязывающая доброкачественность правоприменительных решений с целым рядом полезных свойств и качеств личности заслуживает безусловной поддержки.

Итак, с учетом всего вышеизложенного субъективными средствами уголовно-процессуального доказывания можно признать следующие полезные ресурсы, подлежащие использованию в ходе умственной обработки накопленных сведений, имеющих прямое либо косвенное отношение к уголовному делу:

а) глубокие юридические познания, то есть знания законодательства, подзаконных нормативных правовых актов, интерпретационных разъяснений Пленума Верховного Суда, решений Конституционного Суда РФ и правоприменительной практики, которые приобретаются в ходе профильной подготовки будущих дознавателей, следователей, прокуроров, судей, адвокатов, а также их дальнейшего профессионального развития, в частности систематического самообразования и периодического повышения квалификации. Посредством использования подобных ресурсов обеспечивается возможность надлежащей оценки «внешних» средств доказывания, правильной квалификации доказанных юридических фактов и формулирования соответствующих выводов (позиций), подлежащих отражению в правоприменительных актах и иных процессуальных документах. Кроме того, эти же познания способствуют надлежащему распоряжению формальным потенциалом писанных и неписанных юридических презумпций;

б) общеизвестные, в том числе обыденные знания, предполагающие определённую эрудированность субъекта доказывания в сугубо бытовых и тому подобных нюансах окружающей реальности, достигаемую в ходе развития и социализации человека – посредством среднего и дополнительного образования, семейного и общественного воспитания, посещения учреждений культуры, чтения, получения различных сведений из средств массовой информации и т. д.;

в) качества, формируемые и вырабатываемые в результате надлежащего правового воспитания юриста, в частности правовую культуру, правосознание, правопонимание, чувство профессиональной ответственности, правовую нравственность и совесть;

г) профессиональный и жизненный опыт – полезные ресурсы, обуславливающие так называемые

мый здравый смысл, влияющий на выбор наиболее рациональной и разумной позиции в сложившейся ситуации.

И таким образом, на основании всего вышеизложенного под средствами уголовно-процессуального доказывания надлежит понимать прямо предусмотренные законом либо вытекающие из его смысла, предрасположенные к использованию в качестве логических аргументов, доводов, силлогистических посылок полезные ресурсы, позволяющие дознавателю, следователю, суду устанавливать имеющие значение для уголовного дела обстоятельства и обосновывать правоприменительные решения, а сторонам – пытаться влиять на характер и содержание таких решений. Тогда как различные познавательные-удостоверительные действия, осуществляемые в целях накопления доказательственной информации, а также приемы, позволяющие сторонам доводить свои позиции до субъектов правоприменения, намного правильнее называть не средствами, а способами доказывания.

При этом в качестве средств доказывания могут использоваться:

а) сами доказательства – прямо предусмотренные ч. 2 ст. 74 УПК РФ информационные продукты, предопределённые «следами преступления», то есть возникающими ввиду способности материи к отражению следами-отображениями (следами в широком смысле) – материальными или идеальными объектами ретроспективного познания, появляющимися и изменяющимися под воздействием различных фрагментов объективной реальности: как юридических фактов, непосредственно

входящих в предмет доказывания, так и связанных с ними предшествующих, сопутствующих либо последующих обстоятельств;

б) формальные средства доказывания: презумпции, преюдициальные, общеизвестные и ноторные факты, юридические фикции, доказательственные субституции.

в) субъективные средства уголовно-процессуального доказывания: общеизвестные и юридические познания, правосознание, правопонимание, правовая культура, чувство профессиональной ответственности нравственность, совесть, профессиональный и жизненный опыт.

И наконец, в завершении необходимо обратить внимание, что в современных условиях существуют объективные предпосылки для выделения еще одной, особой группы полезных ресурсов – так называемых справочно-вспомогательных средств доказывания, то есть «внешних» сведений, восполняющих пробелы в собственном понимании субъектами доказывания различных обстоятельств, попавших в предмет исследования по конкретному уголовному делу. На сегодняшний день эти проблемы уже получили некоторое освещение в научных публикациях, в частности были затронуты в недавно защищённой под руководством автора настоящей статьи кандидатской диссертации Н.С. Расуловой [13, с. 34–41]. В связи с чем хочется выразить надежду на продолжение изысканий в данном направлении и научное признание указанных ресурсов, которое позволит им занять достойное место в общей системе средств уголовно-процессуального доказывания.

Библиографический список

1. Фаткуллин Ф. Н. Общие проблемы процессуального доказывания. 2-е изд. Казань: Казанский госуниверситет, 1976. 206 с. URL: https://libweb.kpfu.ru/z3950/full_fond/law/knigi/fatkulin_o_p/fatkulin_o_p.pdf.
2. Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькинд П. С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж: Воронежский госуниверситет, 1978. 303 с.
3. Зинатуллин З. З., Егорова Т. З., Зинатуллин Т. З. Уголовно-процессуальное доказывание: концептуальные основы. Ижевск: Детектив-Информ, 2002. 228 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19997344>. EDN: <https://elibrary.ru/qvvpqsd>.
4. Грудинин И. А. Средства доказывания в уголовном судопроизводстве: система, содержание, гносеологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 2012. 26 с. URL: https://new-dissert.ru/_avtoreferats/01005490206.pdf; <https://elibrary.ru/item.asp?id=30365284>. EDN: <https://elibrary.ru/zomopj>.
5. Россинский С. Б. Доказывание по уголовному делу: познание или обоснование? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 5. С. 80–87. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43127357>. EDN: <https://elibrary.ru/ylxndw>.
6. Орлов Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. Москва: Юристъ, 2009. 174 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19781240>. EDN: <https://elibrary.ru/qqrwxrxf>.
7. Стельмах В. Ю. Система средств доказывания в досудебных стадиях уголовного процесса: проблемы теории, нормативного регулирования и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург: Уральский юридический институт МБД России, 2021. 522 с. URL: <https://www.dissertcat.com/content/sistema-sredstv-dokazyvaniya-v-dosudebnykh-stadiyakh-ugolovnogo-protsessa-problemy-teorii>.
8. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. Москва: Наука, 1968. 470 с. URL: http://kalinovskiy-k.narod.ru/b/strogovich/Strogovich_1.pdf.
9. Галкин В. М. Средства доказывания в уголовном процессе. Ч. 1. Москва: ЦНИИСЭ, 1967. 50 с.
10. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. Москва: Юрид. лит., 1973. 736 с. URL: <http://biblio.crimlib.info/www/showBook.php?id=96>.

11. Карнеева Л. М. Доказательства и доказывание при производстве расследования. Горький: Горьковская высшая школа МВД СССР, 1977. 44 с.
12. Жаицкий В. И. Доказательства и доказывание по УПК РФ. Санкт-Петербург: Юридический центр - Пресс, 2015. 439 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25759970>. EDN: <https://elibrary.ru/vrsiqf>.
13. Расулова Н. С. Заключение специалиста как средство доказывания в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Москва: Академия управления МВД России, 2022. 237 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/zaklyuchenie-spetsialista-kak-sredstvo-dokazyvaniya-v-ugolovnom-sudoproizvodstve>.
14. Смирнов А. В. Формальные средства доказывания в уголовном праве и процессе. Москва: Норма, 2019. 240 с. URL: <http://kalinovskiy-k.narod.ru/p/upp/upp7-7.htm>.
15. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. Москва: Статут, 2016. 1276 с. URL: <https://be5.biz/pravo/u010/index.html>.
16. Ларин А. М. Доказывание на предварительном следствии в советском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Москва: Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности Прокуратуры СССР, 1961. 347 с.
17. Мухин И. И. Важнейшие проблемы оценки судебных доказательств в уголовном и гражданском судопроизводстве. Ленинград: Ленинградский госуниверситет, 1974. 108 с.
18. Эйсман А. А. Логика доказывания. Москва: Юрид. лит., 1971. 110 с. URL: <http://biblio.crimlib.info/www/showBook.php?id=18>.
19. Грошевой Ю. М. Проблемы формирования судебного убеждения в уголовном судопроизводстве. Харьков: Вища школа, 1975. 144 с.
20. Спасович В. Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судостроительством и судопроизводством. Москва: ЛексЭст, 2001. 93 с. URL: <http://biblio.crimlib.info/www/showBook.php?id=78>.
21. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2 / под ред. А. В. Смирнова. Санкт-Петербург: Альфа, 1996. 607 с. URL: <http://kalinovskiy-k.narod.ru/b/foinitsky/t-2>.

References

1. Fatkullin F. N. *Obshchie problemy protsessual'nogo dokazyvaniya*. 2-e izd. [General problems of procedural proof. 2nd edition]. Kazan: Kazanskii gosuniversitet, 1976, 206 p. Available at: https://libweb.kpfu.ru/z3950/full_fond/law/knigi/fatkulin_o_p/fatkulin_o_p.pdf [in Russian].
2. Gorskiy G. F., Kokorev L. D., Elkind P. S. *Problemy dokazatel'stv v sovetskom ugolovnom protsesse* [Problems of evidence in the Soviet criminal process]. Voronezh: Voronezhskii gosuniversitet, 1978, 303 p. [in Russian].
3. Zinatullin Z. Z., Egorova T. Z., Zinatullin T. Z. *Ugolovno-protsessual'noe dokazyvanie: kontseptual'nye osnovy* [Criminal procedural evidence: conceptual foundations]. Izhevsk: Detektiv-Inform, 2002, 228 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19997344>. EDN: <https://elibrary.ru/qvpqsd> [in Russian].
4. Grudin I. A. *Sredstva dokazyvaniya v ugolovnom sudoproizvodstve: sistema, sodержание, gnoseologicheskie aspekty: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Means of proof in criminal proceedings: system, content, epistemological aspects: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Yekaterinburg: Ural'skaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya, 2012, 26 p. Available at: https://new-dissert.ru/_avtoreferats/01005490206.pdf; <https://elibrary.ru/item.asp?id=30365284>. EDN: <https://elibrary.ru/zomopj> [in Russian].
5. Rossinskiy S. B. *Dokazyvanie po ugolovnomu delu: poznanie ili obosnovanie?* [Evidence in a criminal case: cognition or justification?]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2020, no.5, pp. 80–87. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43127357>. EDN: <https://elibrary.ru/ylnxndw> [in Russian].
6. Orlov Yu. K. *Problemy teorii dokazatel'stv v ugolovnom protsesse* [Problems of the theory of evidence in criminal proceedings]. Moscow: Yurist", 2009, 174 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19781240>. EDN: <https://elibrary.ru/qqrxf> [in Russian].
7. Stelmakh V. Yu. *Sistema sredstv dokazyvaniya v dosudebnykh stadiyakh ugolovnogo protsessa: problemy teorii, normativnogo regulirovaniya i praktiki: dis. ... d-ra yurid. nauk* [System of means of proof in the pre-trial stages of the criminal process: issues of theory, regulation and practice: Doctoral of Laws thesis]. Yekaterinburg: Ural'skii yuridicheskii institut MVD Rossii, 2021, 522 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/sistema-sredstv-dokazyvaniya-v-dosudebnykh-stadiyakh-ugolovnogo-protsessa-problemy-teorii> [in Russian].
8. Strogovich M. S. *Kurs sovetskogo ugolovnogo protsessa*. T. 1 [Course of Soviet Criminal process. Vol. 1]. Moscow: Nauka, 1968, 470 p. Available at: http://kalinovskiy-k.narod.ru/b/strogovich/Strogovich_1.pdf [in Russian].
9. Galkin V. M. *Sredstva dokazyvaniya v ugolovnom protsesse*. Ch. 1 [Means of evidence in the criminal process. Part 1]. Moscow: TsNIIE, 1967, 50 p. [in Russian].
10. *Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugolovnom protsesse*. Otv. red. N. V. Zhogin [Zhogin N. V. (Ed.) Theory of evidence in Soviet criminal process]. Moscow: Yurid. lit., 1973, 736 p. Available at: <http://biblio.crimlib.info/www/showBook.php?id=96> [in Russian].
11. Karneeva L. M. *Dokazatel'stva i dokazyvanie pri proizvodstve rassledovaniya* [Evidences and proving in the course of an investigation]. Gorky: Gor'kovskaya vysshaya shkola MVD SSSR, 1977, 44 p. [in Russian].

12. Zazhitskiy V. I. *Dokazatel'stva i dokazyvanie po UPK RF* [Evidence and proof under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr - Press, 2015, 439 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25759970>. EDN: <https://elibrary.ru/vrsiq7> [in Russian].
13. Rasulova N. S. *Zaklyuchenie spetsialista kak sredstvo dokazyvaniya v уголовном судопроизводстве: dis. ... kand. yurid. nauk* [Conclusion of a specialist as a means of proof in criminal proceedings: Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2022, 237 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/zaklyuchenie-spetsialista-kak-sredstvo-dokazyvaniya-v-ugolovnom-sudoproizvodstve> [in Russian].
14. Smirnov A. V. *Formal'nye sredstva dokazyvaniya v уголовном праве i protsesse* [Formal means of proof in criminal law and procedure]. Moscow: Norma, 2019, 240 p. Available at: <http://kalinovskiy-k.narod.ru/p/upp/upp7-7.htm> [in Russian].
15. *Kurs ugolovnogo protsessa. Pod red. L. V. Golovko* [Golovko L. V. (Ed.) Course of criminal process]. Moscow: Statut, 2016, 1276 p. Available at: <https://be5.biz/pravo/u010/index.html>. [in Russian].
16. Larin A. M. *Dokazyvanie na predvaritel'nom sledstvii v sovetskom уголовном protsesse: dis. ... kand. yurid. nauk* [Evidence at the preliminary investigation in the Soviet criminal process: Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow: Vsesoyuznyi institut po izucheniyu prichin i razrabotke mer preduprezhdeniya prestupnosti Prokuratury SSSR, 1961, 347 p. [in Russian].
17. Mukhin I. I. *Vazhneishie problemy otsenki sudebnykh dokazatel'stv v уголовном i grazhdanskom судопроизводстве* [The most important problems of assessing forensic evidence in criminal and civil proceedings]. Leningrad: Leningradskii gosuniversitet, 1974, 108 p. [in Russian].
18. Eisman A. A. *Logika dokazyvaniya* [Logic of proof]. Moscow: Yurid. lit., 1971, 110 p. Available at: <http://biblio.crimlib.info/www/showBook.php?id=18> [in Russian].
19. Groshevoy Yu. M. *Problemy formirovaniya sudeiskogo ubezhdeniya v уголовном судопроизводстве* [Problems of formation of judicial persuasion in criminal proceedings]. Kharkov: Vishcha shkola, 1975, 144 p. [in Russian].
20. Spasovich V. D. *O teorii sudebno-ugolovnykh dokazatel'stv v svyazi s sudoustroystvom i судопроизводством* [On the theory of forensic criminal evidence in connection with the judiciary and legal proceedings]. Moscow: LeksEst, 2001, 93 p. Available at: <http://biblio.crimlib.info/www/showBook.php?id=78> [in Russian].
21. Foinitskiy I. Ya. *Kurs ugolovnogo судопроизводства. T.2. Pod red. A. V. Smirnova* [Course of criminal justice. Vol. 2; Smirnov A. V. (Ed.)]. Saint-Petersburg: Al'fa, 1996, 607 p. Available at: <http://kalinovskiy-k.narod.ru/b/foinitskiy/t-2> [in Russian].